

Гадкий утенок

➤ Поэту деньги нужны для издания новых книг, считает юный талант Иван Попов

В ПОКОЛЕНИИ «вступающих в жизнь» нечасто встретишь парня с биографией – у кого-то к семнадцати она еще не накопилась, а кто-то просто не успел ее осмыслить.

Ваня Попову в этом возрасте есть что сказать о себе. В начале интервью он обмолвился, что мало с кем говорит о приватном. А разговор получился очень личным: пусть в вешках невзрослой биографии нет ничего секретного, но вместе они – как исповедь. Жаль, что печальная. Ваня не бравитует отрицанием, не играет в него – он им живет. И пытается дать честную оценку пережитому.

Сколько себя помнит – всегда был необщителен. В дошкольном возрасте мама даже заставляла его гулять, чтобы он хоть немного наладил дружеские связи. В начальной школе учился едва-едва: «не любил высовываться» и даже примкнул к компании классных нарушителей дисциплины. Зато любил сочинения и в первые школьные годы написал рассуждение об андерсеновском «Гадком утенке»: дескать, это про сегодняшнюю Россию с ее культурным оскудением и нетерпимостью к инакомыслию – не в таких выражениях, но в таком смысле.

Стоит ли удивляться, что в средних классах он уже ощущал себя лишним и «старался заболеть». Получалось. Пропускал по полторы четверти. Классе в пятом начал экспериментировать со словом, написал даже оду внутричерепному давлению: «Не один лишь я болею, но болею всех сильнее». Первые Ванины стихи не сохранились, он только помнит, что были они странные, мистические. И самоиронии в них хватало уже тогда.

В седьмом классе жизнь «стала налаживаться»: появились любимые учителя, поощрявшие его поэтические и философские упражнения, эксперименты со словом – его однофамилица Римма Попова и Елена Панкина. Появился и друг, «первый и единственный, пусть даже теперь раздружились», – Стас Соха. Поначалу им просто было по дороге, когда возвращались из своей восемнадцатой гимназии. Потом Ваня, прежде не интересовавшийся музыкой, разделил увлечение Стаса группой «Король и шут». После они перешли на «Арию», Ваня попробовал перело-

жить Лавкрафта на стихи для будущей рок-музыки. Они учились в седьмом, «а в это время все возможно», и они втроем с Алешкой Усольцевым задумали создать собственную группу. Неважно, что так и не создали: куда увлекательнее было обсуждать и строить планы. И – Ваня стал писать стихи.

В это время в доме часто бывал магнитогорский бард Виктор Мельников. Ваня вслушивался, вчитывался

в тексты, которые приносил поэт, и самому хотелось творить авангард – «то, что я понимал тогда под авангардом». В это же время в классе появилась новая ученица с декадентским, по Ваняному определению, талантом Настя Каминская, а значит, сформировалась поэтическая атмосфера. К этому времени к кумиру Лавкрафту добавился Бодлер, а среди творений Вани Попова появились стихи о городе, затерянном среди пустынь и не

ведующем технического прогресса, о людях, поклоняющихся суховеям и погубивших героя, зовущего к избавлению от всеислия пустыни. Ваня называет его бунтарем, а в пересказе получается: одинокий непонятый человек.

Ну да, не спорит Ваня: есть такой тип людей – отчужденных, неспособных чувствовать единство с другими. Он себя относит к таким и немало подобных знает вокруг себя. А как же дружба? Она и есть бунт против действительности. Жаль, с возрастом не остается времени ни на дружбу, ни на бунт. В этом и лежит причина разлада со Стасом. Он ведь такой же – отчужденный. Если точнее, анализирует Ваня, они с прежним товарищем оба интроверты, оба отстранены от действительности. У них еще было два года попыток удержаться вместе, Ваня даже поддерживал интерес товарища к анимэ. Пусть по-настоящему этим увлечением не проникился, но «это все, что я помню о девятом классе». И это говорит школьник, о котором в Википедии сказано, что он единственный из магнитогорских девятиклассников получил в прошлом году «отлично» за единый региональный экзамен по литературе.

Он не гордится оценкой. Он вообще не из тех, кто готов биться за пятерку, просто литература – интересная дисциплина. «Для себя» учеба ему не нужна, а посторонние могут не оценить усилий по овладению науками – так зачем стараться? Зато стихи можно писать именно для себя:

здесь хоть и важна оценка мэтров, но решающее достоинство стиха – возможность разговора с самим собой. С кем еще общаться, если вокруг нет единомышленников?

В списке творческих побед Ивана Попова – две весомые: губернаторская стипендия в прошлом году и премия президента в нынешнем. На губернаторскую он выпустил первую книгу, на президентскую издаст вторую. А для чего еще нужны деньги? «Человек выше сытости», – цитирует Ваня горьковского Сатина. – К тому же, книга – единственное, что оправдывает существование поэта». «Единственное»...

Разрыв с другом – не последняя Ванина потеря. Он «духовно разошелся» с наставником Юрием Ильясовым: вырос, не хочет мириться с «давлением на творчество». Ваня признает, что со многими рассорился без повода, но ссорился на самом деле не с ними – с миром: мстил ему за равнодушие. «Это за мной водится, – признается подросток. – Наломать дров и ничего не сделать, чтобы исправить ситуацию». Переделывать мир он не собирается – не даром в числе его любимых писателей Виктор Пелевин, в творчестве которого Ваня видит прежде всего напрасность поиска действительности.

«Мрачно? Так получилось. Не судите строго – это моя первая книга», – парирует он на упрек в безысходности, сквозящей в его стихах. «Это самое простое объяснение, которое не обидит собеседника и ничего не объяснит», – добавляет он тем, кому доверяет. У Вани стройная концепция отношений с миром. Но стоит ли объясняться на каждом шагу – достаточно стихов. «Жизнь не только глупа и нелепа – жизнь жестока до тошноты. Три прядущие смотрят слепо в пасть разверзшейся пустоты», «Дайте мне память, чтоб мог рассказать, как заглянул я в кромешную мглу. Дайте мне сил этот мир написать – пламя и лед, черный град и золу» – наугад вырванные строки из первой книги Ивана Попова с говорящим названием «Осколок декаданса» приоткрывают двери в минорный мир думающего подростка. А еще у него давно зреет замысел написать роман о школьниках-аутсайдерах, расширив их историю до библейской притчи о жертвенности и предательстве. Такой у парня дар: чувствовать мир на оголенном нерве.

С полгода назад двоюродная сестра-москвичка посоветовала ему учиться оптимизму. Он прислушался: целых две недели «учился» – на большее не хватило. «Я стал больше думать, – мрачно шутит он, объясняя свои отношения с окружающими. – А это не безвредно. Мыслителей надо бы принудитель-

Он любит перечитывать стихи отца, находя в них новые мысли

но приобщать к общему образу мыслей. Да кому они нужны – мыслители?»

Конечно, не весь мир равнодушен: мама помогает пробиваться на литературном поприще. Но нет отца – яркий поэт Борис Попов погиб, когда сыну было четыре. Ваня перечитывает его стихи, всякий раз находя в них новые мысли.

Его мечта – создать литературное объединение, которое сплотило бы безусловных единомышленников и представило миру новое искусство. А если шире – жить ради великой цели. Он только не определил – какой. Самая смелая мечта – стать новым Христом: неважно, что проповедовать, но быть своим хотя бы для близкого круга. На мое возражение о том, что это всего лишь способ спастись от одиночества, пожимает плечами: он избегает этого пафосного понятия – заменяет его «отчуждением». К тому же, мечта тем и хороша, что не исполнится. «И лучше, чтобы не исполнилась: она никогда не осуществится, как надеешься».

...Он прощался с той же светлой улыбкой, с какой вошел – талантливый парнишка с интеллигентным лицом и вьющимися волосами. А я поневоле вспоминала из Стругацких эпохи семидесятых: «Мы избавили новое поколение от забот о хлебе насущном. Но что дали взамен?»

АЛЛА КАНЬШИНА
ФОТО > ДМИТРИЙ РУХМАЛЕВ

ForexClub
www.forexclub.ru

РЕКЛАМА

ДОЛЛАР ДОРОЖАЕТ - НЕ ПАНИКУЙ!

Подробности узнай на семинаре **20 и 21 ноября.**

Запись по тел. 23-19-18, ул. Комсомольская, 18

* каждому посетителю книга в подарок

➤ У каждого молодого поэта есть дар чувствовать мир на оголенном нерве